

Ученые больше не люди умственного труда?!

На днях уважаемый в городе профессор сказал мне, что научные сотрудники академических институтов и преподаватели вузов больше не являются работниками умственного труда и потому лишены права на более длительный, чем 28 дней в году, отпуск. Вынес сей вердикт заместитель министра по труду и социальным вопросам господин Бляян, который, как гласит молва, не включил ученых в этот разряд, заявив, "а разве научная работа — это умственный труд?" Естественно, что обойти вниманием эту беспрецедентную фразу замминистра я не могла, так что именно с этого вопроса и началась беседа с президентом Национальной Академии наук Армении Радиком МАРТИРОСЯНОМ.

— Неужели господин Бляян действительно сказал так? И если да, то как вы, господин президент НАН, и ваши коллеги отреагировали на это?

— Несколько лет назад был принят новый Трудовой кодекс, согласно которому постоянная база отпуска состоит из 28 календарных дней. Есть там и пункт, что людям, зани-

мающимся умственным трудом, полагается дополнительный отпуск. Но в список этих специалистов научные сотрудники и преподаватели вузов не вошли. Мы обратились в правительство с просьбой пересмотреть категории, так что вопрос пока не закрыт, но, с другой стороны, надежды тоже вроде мало. Говорят,

любая организация сама может решить вопрос в частном порядке и предоставить дополнительный отпуск, если сочтет нужным. Проблема в том, кто его оплатит. Ну а эта фраза, даже сказанная в шутку, демонстрирует истинное отношение общества к науке. Придется повторить уже неоднократно сказанное мною, что если раньше гордились, когда в семье кто-то имел ученую степень, то сегодня отношение сильно изменилось, научные сотрудники, в среднем получающие 40 тысяч драмов в месяц, уже не лидеры, а аутсайдеры в глазах общества, соответственно молодое поколение, в котором так остро нуждается любая сфера, в науку практически не

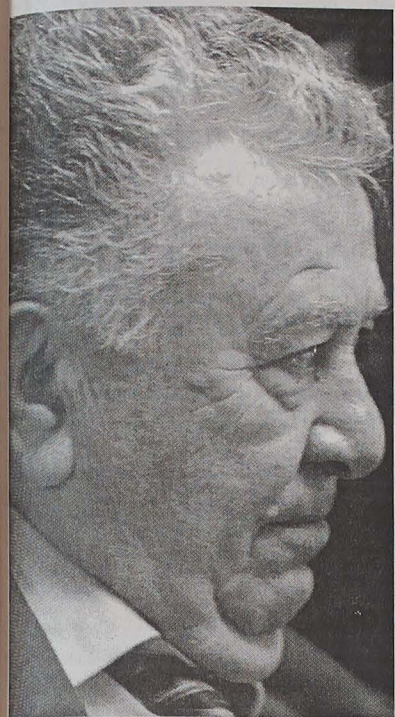
идет — мы не можем решить их социальные вопросы.

— А как же идущие сейчас реформы, концепция которых наконец-то утверждена правительством, они вроде должны были поднять авторитет научного работника?

— Лев Арцимович, один из выдающихся физиков современности, как-то сказал: "Научная деятельность — это удовлетворение собственного удовольствия за счет государства". Он, конечно, слегка загнул, но суть четкая: наука развивается при поддержке со стороны государства, если, конечно, страна действительно хочет иметь современную науку.

Продолжение на стр. 5

Ученые больше не люди умственного труда?!

Начало на стр. 1

Раньше наше финансирование шло от общего финансирования огромной богатой страны, как фундаментальные, так и прикладные исследования щедро оплачивались. Это способствовало созданию многочисленных научно-технических организаций. В 1990-м их было свыше 200, около 40 занимающихся фундаментальными исследованиями входили в состав Академии наук Армении. Финансирование в советское время одного только Института радиопрофики и электроники равнялось сегодняшнему объему бюджету всей академии. Дефицит финансов привел и к потере людских ресурсов. Если на 1 января 1991 года в системе академии работали примерно 7500 человек, то сегодня осталась лишь половина, а научных сотрудников и того меньше — 2200. Мы потеряли известных исследователей, успешно работающих ныне в разных странах мира. У научных исследований есть еще одна особенность — их можно вести только при наличии экспериментальной базы. О том, что она резко устарела, говорились также не раз, но факт фактом: мы остались без рук, которыми делаются открытия.

— **Считается, что уровень зарплат в нашей стране постоянно растет.**

— На прошлой неделе правительство утвердило максимальный и минимальный уровень зарплат сотрудников госаппарата. Такие зарплаты в НАН РА не получают даже вице-президент. Средняя зарплата в нашей системе — 40 тысяч драмов, немногим более ста долларов, в то время как средняя зарплата по стране — около 250 долларов. Мы уже год бьемся, чтобы увеличили зарплату научным сотрудникам, находящимся на тематическом финансировании, они получают меньше тех, кто числится на базовом. Согласно действующей структуре финансирования, 88 процентов идет на зарплату, на все про все остается только 12 процентов. На деле это означает, что мы собрали некую группу людей, даем им небольшую пенсию и говорим: ничего не делайте. Развернуть на эти средства научные исследования нельзя, потому и внятный результат есть далеко не всегда. Но не будем во всем винить государство, здесь есть и наша доля вины. От советского строя нам осталось в наследство огромное количество институтов, занимающихся огромным количеством тем. Достойно содержать всех было невозможно, и мы пошли по пути наименьшего сопротивления — выделяли по ложке каждому в надежде, что вот что-то изменится к лучшему. Однако этого не произошло. У нас и сегодня есть институты, которые зимой не работают — нет средств на отопление. Мы не решились вовремя сказать: у вас 400 сотрудников, хотя достаточно 200, выберите важнейшие направления, по которым вы достигли успеха в прошлом, где есть кадры, знающие, что и как им делать, с остальными расстаньтесь. Пытаться сохранить все, мы сами себе навредили. Хотя, конечно, очень трудно сказать проработавшему не одно десятилетие сотруднику, что в его работе больше нет нужды.

Концепция зафиксировала все то, что мы давно знали, — необходимы новые подходы к организации науки, ее финансированию, обеспечению экспериментальной базой, интеграции в мировую научную сферу, важность социального значения ее для общества. Развивать экономику страны, основанную на знании — прекрасный постулат, перенаселенный земной шар требует гибкой и быстро изменяющейся структуры экономики. Производитель хочет иметь и специалистов, и техническое решение, которое даст ему возможность что-то быстро произвести и продать. Но выдвигая один постулат, почему-то забывают о другом — наукой нельзя управлять, ее надо координировать, финансировать и требовать результатов от финансирования. На этих трех китах зиждется госконтроль за наукой. Но в целом соглашаясь с этими принципами, каждый (и ученые, и чиновники, и несостоявшиеся ученые) предлагает свое видение реформ. И не только у нас в стране. Все заикнулись на том, что академиям нужна коренная перестройка, которую видели в радикальном изменении организации научных исследований, передаче академических институтов в вузы и отраслевые министерства. Реформировать академию в моем понимании — это значит помогать росту и модернизации ее базы, не соглашаясь на ограничение автономии и прав академии. Автономность Академии наук — одно из важнейших достоинств современной науки, которая предполагает полную свободу и независимость творческого процесса, право самостоятельного управления имуществом. На словах в нашей концепции все эти пункты отражены, теперь надо их реализовывать. Однако пока еще открытым остается вопрос о государственном органе управления наукой. Есть несколько вариантов — создать комитет науки при правительстве (против этого возражает Всемирный банк, не приветствующий расширения правительственных структур). Второй вариант — оставить управление по науке в составе Минобразования, но расширить его права и полномочия. И третье (это наше предложение) — передать все эти функции самой НАН. Академия наук Армении всей сво-

ей 60-летней деятельностью, в результате которой мы имели высокие показатели, доказала, что лучше ее никто не определит политику развития науки. Мы начали менять свою структуру еще до утверждения концепции. Это очень сложный процесс. Даже смена директоров вылилась не в простую задачу, до сих пор есть трудности. Болезненно проходил и процесс оптимизации, тем не менее на десять научных организаций сегодня стало меньше. Оптимизация не самоцель, ее диктуют новые условия. Проблема в том, что структуры, самостоятельно существовавшие по 20-30 лет, совсем не стремятся к объединению, хотя и понимают, что это в первую очередь необходимо для них самих. Наше предложение не просто механическое объединение, а объединение потенциалов, которые в будущем могли бы решать более крупные задачи и на большую перспективу.

— **Вопрос в другом: зачем одному благополучному институту нагрузка в лице двух нерентабельных? А именно так характеризуют процесс оптимизации те, кто находится на плаву.**

— Неверная трактовка. Сейчас, извините, дураков нет. Кто зарабатывает, тот и хозяин своих денег. Где вы видели, чтобы грант, полученный одной лабораторией, использовался бы другой? Нынешний статус академических институтов — некоммерческая государственная организация, и, хотя, объединившись в центр, они перестают быть отдельным юридическим лицом, каждый может иметь свой счет в банке и тратить заработанные финансы по своему усмотрению. А вот когда у них начнутся совместные работы, когда они будут вместе участвовать в исследованиях, разработках, тогда и начнут делить доход. Бездельники не будут жить за счет работающих. Сложность в том, что в течение последних 15 лет в институтах, как и во всем нашем обществе, сложилось несколько прослоек — одни что-то делают, продают и таким образом имеют пусть небольшой, но доход. Вторые получают в институтах "пенсию", а сами работают в других организациях. Есть и те, кто предан науке, занимается ею, получает и публикует результаты. Каждая прослойка адаптировалась, и им невыгодны перемены. Но будущее за оптимизацией. Первые наметки мы уже реализовали, хотя остались еще институты, которым оптимизация просто необходима. Не секрет и то, что занятые воплились научные учреждения владеют пространством, которое можно эффективно использовать. На финансы, вырученные за реализацию ненужной площади, они могут закупить оборудование и начать новую жизнь.

— **Экономика, основанная на знании, действительно прекрасный постулат, но что наша наука может предложить экономике сегодня?**

— Этим летом на международном конгрессе в США мы представили порядка 15 научных результатов, которые могли быть широко использованы в экономике. У нас есть прекрасные предложения, в частности по горнорудной промышленности. Мы говорим, что можем из отходов извлечь другие цветные металлы, другие компоненты. Но наша промышленность пока невосприимчива к нововведениям, так что приходится искать выход за рубеж. Уже есть и институты, вышедшие на мировой рынок — это Институт радиопрофики (у них заказ на 2 миллиона долларов), объединение "Галактика" (этим учреждением ранее руководил академик Гурздян) — коллектив ее много лет не работал, а теперь у них заказ на порядка 700 тысяч евро. Но получить такой заказ нелегко — надо пройти ряд ступеней. Во-первых, выйти на зарубежный рынок можно только имея патент. Чтобы получить патент надо платить немалые деньги, порядка 10-20 тысяч долларов. Однако патент сразу никто не покупает, надо идти с ним на рынок патентов. Компаниям, которые держат этот рынок, тоже надо платить, примерно три тысячи долларов в год. Для решения этих проблем необходима новая форма организации. Поэтому мы создали при НАН группу по коммерциализации результатов, она будет посредником между нашим исследователем и нашим или зарубежным производителем. Ее задача исследовать маркетинг, выяснить, кому что нужно, и связать исследователя с производителем. Организовали мы и группу, которая помогает в написании грантов. Не секрет, что если грант написан плохо, то и результат такой же. При хорошо изложенном гранте вероятность получения его значительно выше.

— **Концепция настаивает еще на одном виде оптимизации — передаче ряда научных учреждений в состав высших учебных заведений.**

— Реформирование не значит уничтожение. И связь университетской, вузовской научной системы с Академией наук есть проблема, нуждающаяся в творческом решении, а не предмет для мгновенных чиновничьих постановлений. Такие страны СНГ, как Прибалтика, Казахстан, уже погорели на этом. Наши вузы обременены своими заботами, уровень высшего образования постоянно падает, так что главная задача их — обеспечить стране полноценное высококачественное образование. Несомненно, один из путей решения — тесное сотрудничество научных учреждений с вузами по содержанию. Но для этого достаточно объединить усилия, не изменив административной подчиненности. Следует увидеть не частности, а целиком весь лес проблем, и тогда будет легче подойти к целостному решению.

— **Наибольшее нарекание приходится, как правило, на экспертные комиссии.**

— Согласен, хотя должен заметить, что научная экспертиза без нареканий обойтись не может, всегда найдутся несогласные с ее решением. Но и здесь, можно сказать, мы нащупали светлую точку — хотим создать при НАН отделение спюрка — ученых армянского происхождения, работающих в других странах, будем избирать иностранными членами нашей академии. Сейчас это происходит эпизодически, а мы собираемся создать банк ученых, которые хорошо зарекомендовали себя в своих отраслях науки, имеют высокий международный рейтинг.

Комиссии, созданные по разным направлениям, определяют планку критериев. Ученые, вошедшие в состав академии, будут участвовать в работе общего собрания, представлять доклады, а наши исследователи получат реальную возможность выходить на новые контакты, налаживать новые совместные работы. В тех случаях, когда не сможем обойтись внутренними ресурсами, мы попросим их самих провести экспертизу. Да и члены экспертной группы станут квазистационарными, состав их будем менять каждые два года.

— **В обществе бытует мнение, что академики, вынужденные уйти с поста директоров институтов, взяли реванш на выборах в академические членкоры.**

— Звание академик со времен еще первых 40 бессмертных Франции олицетворяет, что жизнь прожита не даром. И хотя в последние годы авторитет академика в нашей стране в какой-то степени девальвировался, стать им по-прежнему мечтают многие. Судить об этом можно хотя бы по цифрам прошедших в декабре выборов, когда на 38 мест членкоров претендовали 129 ученых. Так что при любых выборах всегда были и будут недовольные. Я лично считаю, что прошли действительно достойные. Не стоит думать, что открытое голосование, как это предлагают некоторые, предпочтительнее. Уверяю вас, подхалимажа будет еще больше. К тому же тайное голосование при выборах академиков — традиция, которой придерживались еще в XVII веке, и менять ее нет оснований.

Беседу вела Нора КАНАНОВА